

История происхождения Хорских княжеств в Восточном Тибете

© 2018

И.Р. Гарри

Автор рассматривает историю Хорских княжеств Восточного Тибета с XIII века до падения Цинской империи (1911 г.) в контексте их взаимоотношений с монголами и маньчжурами. Особое внимание уделяется истории их происхождения, распространению в них буддизма школы Гэлукпа, социально-политической обстановке в княжествах ко времени появления в них первых иностранцев.

Ключевые слова: княжества Хор, Кхам, Восточный Тибет, монголы, маньчжуры, империя Цин.

Княжества Хор — это автономное политическое образование пяти кланов Хор Восточного Тибета, существовавшее с XIII века до падения Цинской империи в 1911 г. Словом Хор в тибетском языке в разные времена обозначались разные понятия. Во времена тибетской империи VII—IX вв. им называли уйгуров, затем оно стало использоваться для монголов империи Чингисхана¹, а позже для таких политий Восточного Тибета, как княжества Хор и 39 племен Хор².

В настоящей статье делается попытка реконструировать историю княжеств в контексте их взаимоотношений с монголами и маньчжурами — народами, сыгравшими большую роль в истории Хорского региона. Статья написана на основе опубликованных китайских и тибетских источников³, отчетов о посещениях Восточного Тибета иностранными первопроходцами: Уильямом Рокхиллом⁴, Петром Козловым⁵, Эриком Тейчманом⁶, а также полевых материалов автора (ПМА)⁷. Теоретической основой статьи послужила выдвинутая Джеффри Сэмюэлом концепция традиционного Тибета как конгломерата различных социальных и политических организаций (политий) в противовес популярному имиджу Тибета как теократического государства⁸.

Хорские княжества и Большой Тибет

Прежде всего уточним значение слова Тибет — понятия весьма неоднозначного. Ему соответствует тибетское слово Бод, одно из наименований Центрального Тибета,

Гарри Ирина Регбиевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ). E-mail: irina.garri@gmail.com.

Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 17-01-00117 «Буддизм и национализм во Внутренней Азии».

территории, находившейся под управлением Далай-лам (ныне Тибетский автономный район КНР, ТАР). Кроме того, этим словом обозначается так называемый Большой Тибет (Bod Chenpo), или Тибет этнографический⁹. Под ним подразумевается огромная территория, составляющая четверть территории КНР, включающая в себя, помимо ТАР, тибетские автономные округа китайских провинций Сычуань, Цинхай, Ганьсу и Юньнань, большинство из которых никогда не находились под управлением Далай-лам. В соответствии с тибетской традицией эти территории Большого Тибета подразделяются на три больших региона: Уй-Цзан (Центральный Тибет), Кхам и Амдо (Восточный Тибет). Общие названия Тибета на тибетском языке — *Бод* и всех тибетцев — *бодпа* искусственно созданы на основе названия Центрального Тибета и используются, главным образом, по отношению к центральным тибетцам. Китайский эквивалент *бодпа* — *цзанцзу*, который, в отличие от своего тибетского прототипа, охотно используется восточными тибетцами в качестве общетибетской идентификации.

Среди всех тибетцев жители Кхама (*кхампа*) славятся своей независимостью, воинственностью и прямоотой характера. Благодаря многочисленным описаниям путешествий в Тибет о *кхампа* бытовало мнение как о «разбойниках с большой дороги»¹⁰. От них страдали караваны китайских торговцев, монгольских паломников, иностранные научные экспедиции, да и сами тибетцы, принадлежавшие к другим этнотерриториальным группам.

В исследовании Кхама и его обитателей весьма продуктивна, на наш взгляд, концепция множественной природы тибетских обществ Дж. Сэмюэла¹¹, которая подтверждается исследованием Юдру Цзому по Кхаму XIX века. Она пишет: «Контроль и Цинов, и Центрального Тибета над Кхамом был непрямой и номинальным. Различные царства Кхама обладали высокой степенью автономии, а события в регионе контролировались местными интересами. Децентрализованные политики Кхама сохраняли баланс власти в регионе, в котором ни один конкретный вождь не имел власти над всей территорией. В течение большей части истории различные полунезависимые племена, царства и монастырские владения могли сохранять сильное чувство принадлежности к сплоченной и самодостаточной политике, которая управлялась с наибольшей степенью автономии»¹².

Среди этих децентрализованных политий особое место занимали 5 Хорских княжеств¹³: Дранго, Трехор, Кансар, Масур и Бери¹⁴. Они находились на севере Кхама, на территории современных уездов Кандзе (Ганьцзы), Трехор (Лухо) и Тау (Даофу) Тибетского автономного округа Ганьцзы провинции Сычуань в плодородной долине Кандзе верхнего течения реки Ньячу (Ялунцзян), притока Янцзы. Как писал Тейчман: «Эта долина, обычно называемая тибетцами Хорко (долина Хор)... является самой большой культивируемой землей во всем Восточном Тибете. Ее высота чуть больше 11000 футов (3352,8 м). Река Ялун струится по ее середине, фермы, селения и монастыри густо рассыпаны по ней. Жители — процветающие и богатые, занимаются как выгодной китайско-тибетской торговлей чаем, так и земледелием»¹⁵.

Население Хорских княжеств отличалось ревностной приверженностью буддизму традиции Гэлукпа, там было самое большое количество гэлукпинских монастырей и самое высокое соотношение монахов, составлявших треть населения¹⁶. В XIX веке в Тибет начали проникать первые иностранцы, из которых только американский дипломат Уильям Рокхилл (1854–1914), член Российского географического общества Петр Козлов (1863–1935) и английский консул в Западном Китае Эрик Тейчман (1884–1944) оставили обстоятельные научные описания социальных и политических процессов Кхама и Хорских княжеств¹⁷. Благодаря их отчетам впервые появились достоверные свидетельства об этой стране и ее обитателях.

Хорские княжества и монголы (XIII—XVII вв.)

Что касается более отдаленных времен, то сведения о Хор, как и Кхаме в целом, скорее легендарны, чем исторически реальны. Некоторые Кхамские политики, как, например, царство Дэргэ, возводят свое происхождение к Ярлунгской династии (VII в.)¹⁸, некоторые, как Хорские княжества, — ко временам завоевания Тибета чингизидами (XIII в.). Каких-либо убедительных подтверждений ни того, ни другого нет. Если история Ярлунгской династии в Центральном Тибете и история взаимоотношений между двором Хубилай-хана и Сакьяскими иерархами более или менее изучена¹⁹, то нельзя сказать того же в отношении кхамских политий. Исторические сведения о Кхаме XIII века, не говоря уже о более ранних временах, очень фрагментарны. Кхам если и был включен в империю Чингисхана, то не входил, в отличие от Центрального Тибета и Амдо, в сферу непосредственных интересов его наследников. Скорее всего, в это время в Кхаме существовали различные автономные княжества, отдельные скотоводческие племена и земледельческие общины²⁰. Большинство населения были последователями добуддийской религии Тибета — Бон, хотя буддизм был известен обитателям региона еще со времен тибетской империи (VII—XIX вв.)²¹. Завоевание монголами Тибета и установление взаимоотношений «наставник — покровитель» придали импульс распространению буддизма традиции Сакьяпа в Кхаме. Известно, что в западном Кхаме существовали Сакьяские княжества Гонжо и Линцанг, в царстве Дэргэ школа Сакьяпа имела очень сильные позиции, хотя его правители также поддерживали тесные связи с Ньингмапой и Кагьюпой²².

Что касается региона Хор, то его возникновение также возводят к эпохе Чингисхана, то есть к XIII в., — времени, когда между чингизидами (Годан-хан, Хубилай-хан) и иерархами школы Сакья из Центрального Тибета (Сакьяпа, Пагба-лама) сложились взаимоотношения «светского покровителя и религиозного наставника». По местным преданиям, Хорские княжества обязаны своим происхождением любви между монгольским принцем из окружения Хубилай-хана и местной девушкой²³. На интегрированном портале Тибетского автономного округа Ганьцзы приводится интересная информация, в которой топонимы из преданий идентифицируются с современными²⁴.

Согласно преданию, племянник и ученик иерарха школы Сакьяпа Пагба-лама проезжал через земли современного округа Ганьцзы, когда следовал по приглашению Хубилай-хана к его двору. На своем пути он давал посвящения местному населению и заметил посреди живописной долины место, подобное драгоценной мандале; ныне там, в поселке Ганьцзы, находится Ханьжэньсы (Китайский монастырь). Он рассказал о нем Хубилай-хану и посоветовал построить там храм дхармапалы и монастырь Ганден. Хубилай-хан послал туда принца Цзиньчжэня (Хоэр Сэвэн) для основания монастыря. Принц, прибыв на место и начав строительство, познакомился с красивой и добросердечной местной девушкой. Молодые люди полюбили друг друга, и девушка вскоре забеременела. Перед своим отъездом из этих краев принц поручил девушку заботам предводителя местности по имени Чжавацзинь²⁵. Еще он оставил ему монгольские сапоги и тибетский ковер с просьбой, в случае рождения сына, передать ему эти вещи. В 1278 г. девушка родила мальчика. Его назвали Хор Масанбу (тиб. «Нежданный ребенок монгола»). Приводятся также слова предводителя девушке: «В прошлом году Хор Сэвэн оставил сапоги и ковер, смысл этого: сидя на коне, править мирянами, сидя на ковре, править монахами²⁶. Твой сын крови Хор, в будущем племя Хор станет управлять местностью, возьмет в свои руки политическую и религиозную власть в тибетских регионах севера Кхама. Я хочу всю территорию под моим управлением отдать твоему сыну». После этого Чжавацзинь якобы сказал членом своей семьи: «Эта чистая прекрасная земля станет святым местом буддизма под управлением клана Хор, а не точкой опоры бон, я же, как можно скорей, ухажу из Ганьцзы в монастырь бон Чжадинцинсы».

По другой версии, Пагба-лама лично основал храм дхармапалы Ханьжэньсы (Китайский монастырь) в Ганьцзы, названный так потому, что был построен на средства казны. Кроме того, ему приписывается основание монастырей Ланцзя в уезде Байюй, Милэсы в уезде Даофу, Чжэнгусы в уезде Кандин²⁷. На наш взгляд, приведенная информация доказывает, что в период монгольских завоеваний²⁸ на территории Хорских княжеств существовало земледельческое население, исповедовавшее религию бон, предводители которого были одновременно бонскими жрецами. Посещение региона Пагба-ламой способствовало началу проникновения буддийского влияния, но нет оснований говорить о каком-либо его укоренении. Судя по источникам, бонская религия продолжала существовать еще три столетия, вплоть до разгрома Гуши-ханом в XVII в. княжества Бери — оплота бон в Кхаме, и продолжает существовать поныне в отдаленных горных местностях²⁹. Что касается легенды о Хор Масанбу, то, вероятнее всего, это реальный исторический персонаж, о его существовании свидетельствуют как само его имя, так и сохранившаяся память о монгольских корнях населения региона, которые могли быть пущены лишь в период монгольских завоеваний.

В течение последующих трех столетий, до XVII в., происходило утверждение представителей клана Хор в качестве правящей знати местного населения. Существуют разные версии генеалогии клана. По одной из них, у Хор Масанбу было три жены и шесть сыновей, от которых распространился род (*Menggu houdai*). Палджор Пунцог же пишет, что трое жен и шестеро сыновей было у 7-го потомка Хор — Намкха Гьялцена, и приводит линию преемственности клана в следующей последовательности: Хор Масанбу (*Hor ma bsam bu*), Хор Накджа (*Hor nag 'ja'*), Аргья (*A rgyas*), Бум Гэгья (*'Bum dge rgyas*), Ламакьяп (*bLa ma skyabs*), Намка Лосанг (*Nam mkha' blo bzang*). У последнего было двое сыновей: Хор Намка Гьялцен (*Hor nam mkha' rgyal mtshan*) и Намка Осер (*Nam mkha' od zer*), и он разделил между ними земли на две части. У Хор Намка Гьялцена было три жены и шестеро сыновей. От старшей жены родились Ванлу (*dBang lu*) и Нгаванг Пунцок (*Ngag dbang dpal bzang*), от средней — Ванпо (*dBang po*) и Кенпо Сакьонг Нгаванг Пелсанг (*mKhan po sa skyong ngag dbang dpal bzang*), от младшей — Одчунг (*'Od chung*) и Лосанг Тэнзин (*bLo bzang bstan 'dzin*)³⁰.

Так это или иначе, но точно известно, что раздел владений между потомками клана Хор привел к образованию так называемых 5 княжеств Хор — Дранго, Кансар, Масур, Трехор и Бери — весьма любопытному политическому образованию Кхама, в котором наследование передавалось не на земли, а на находившиеся у предводителей в подчинении семьи. Так как между княжествами не было четких границ, находившиеся в одном месте семьи могли относиться к разным княжествам³¹.

Среди наследников клана Хор больше всех прославился второй сын Намкха Гьялцена из 8-го колена Хор — Нгаванг Пунцог³². В китайских источниках приводится только краткая информация о том, что по поручению V Далай-ламы он построил в Кхаме в 1660-х годах 13 Хорских монастырей Гэлукпы³³. Сведения о Нгаванг Пунцого содержатся в автобиографии V Далай-ламы³⁴.

Эта информация обнаруживает, что жизнь Нгаванг Пунцога пришлась на самый турбулентный период средневековой истории Тибета. Центральный Тибет впервые после Ярлунгской династии объединился под властью иерарха Гэлукпы — V Далай-ламы Нгаванг Лобсан Гьяцо (1617–1682). Своим возвышением Далай-лама всецело обязан своему ревностному последователю — предводителю монголов-хошутов Гуши-хану (1582–1654), который завоевал Амдо, Кхам и Центральный Тибет и преподнес их своему религиозному наставнику в качестве дара³⁵. Важным в нашем контексте является то, что Гуши-хан в 1639 г. совершил поход в Кхам против царя Бери, союзника царя Цзана и приверженца Бон. Бери же, как известно, частично вошло в состав 5 княжеств Хор и частично — в царство Дэргэ. При таких обстоятельствах Нгаванг Пунцог и его сородичи, буду-

чи потомками монголов, стали наряду с различными монгольскими и амдосскими племенами приверженцами Далай-ламы и Гуши-хана.

Таким образом, Нгаванг Пунцок, получив в 1654 г. посвящения V Далай-ламы, прибыл в Кхам и в 1655 г. при поддержке князя Дэргэ основал на севере Кхама первый гэлукпинский монастырь — Гонсар, став его первым перерожденцем (*тулку*). Затем, сделав Гэнсасы материнским монастырем, начал строить другие монастыри и распространять влияние Гэлукпы в Кхаме. Эти монастыри получили название 13 монастырей Хор. Они располагались на территории современных уездов Дэргэ (кит. Дэгэ), Кандзе (кит. *Ганьцзы*), Трехор (кит. *Лухо*) и Тау (кит. *Даофу*). По разным версиям, названия монастырей отличаются. Согласно Пелджор Пунцок, это монастыри: 1. Кандзе Таши Даргье Норбу Линг (*Dkar mdzes bkra shis dar rgyas nor bu'i gling*), 2. Дза Гонсар Таши Гаден Чойпел Линг (*Rdza dgon sar bkra shis dga'ldan chos 'phel gling*), 3. Дза Гаден Самдуп Линг (*Rdza dga'ldan sam 'grub gling*), 4. Дракчок Гон Гаден Пелгье Линг (*Brag lcog dgon dga'ldan 'phel rgyas gling*), 5. Таши Даргье Пунцок Линг (*Bkra shis dar rgyas phun mtshogs gling*), 6. Канмар Самдуп Гон (*Khang dmar bsam 'grub dgon*), 7. Шинкок Чокри Гон (*Shing khog lcog ri dgon*), 8. Ньика Ньягон (*Snyi mkha' gnya' dgon*), 9. Дранго Гаден Намгьял Линг (*Brag 'go dga'ldan rnam rgyal gling*), 10. Тау Ньенцо Гон (*Rta'u gnyan mtsho dgon*), 11. Бери Дропен Линг (*Be ri 'gro phan gling*), 12. Цицанг Гаден Чойджор Линг (*Rtsis tshang dga'ldan chos 'byor gling*)³⁶. Названия 13-го монастыря нет в списках. Пелджор Пунцок сообщает, что он находился в местности Дракчок (*Brag lcog*).

Самыми большими и влиятельными стали монастыри Даргье (*Dar rgyas*, кит. *Дацзинь*), Кандзе (*Dkar mdzes*, кит. *Ганьцзы*), Ньенцо (*Gnyan mtsho*, кит. *Линцюзэ*) и Дранго (*Brag 'go*, кит. *Шоулин*)³⁷. Не вызывает сомнения, что распространение монастырей Гэлукпы в Кхаме так же, как и в Амдо, произошло исключительно благодаря поддержке Гуши-ханом V Далай-ламы. Впоследствии влияние 13 монастырей Хор в политическом, экономическом и даже военном отношении все более возрастало, они сыграли большую роль в распространении Гэлукпы во всем Кхаме различными способами, в том числе через подавление или насильственное преобразование монастырей Бон и «красной традиции» в «желтую».

Таким образом, можно сказать, что к середине XVII в. произошли основополагающие события в становлении хорской идентичности: утверждение клана Хор в качестве светских предводителей местного населения, образование 5 княжеств Хор и принятие ими буддизма традиции Гэлукпа. Монгольский фактор имел большое влияние в регионе в XIII и XVII веках. Китайские источники отмечают, что вторжению Гуши-хана в 1639 г. сопутствовало массовое(?) переселение монголов-хошутов в Кхам³⁸. Однако в течение последующих веков эти монгольские пришельцы практически полностью ассимилировались. Когда экспедиция Петра Козлова появилась в регионе в 1900 г., она нашла в некоторых кхамских политиях, как, например, в царстве Лхаток, население, еще помнившее о своих монгольских корнях, но забывшее язык и полностью перенявшее тибетскую культуру³⁹. Процесс тибетизации автохтонных и пришлых этнических групп на окраинах тибетского культурного мира отмечался многими исследователями. Джефффри Сэмюэл писал: «Возможно, что современное тибетское население Кхама является результатом подобных процессов тибетизации, начиная с XVII в. или раньше»⁴⁰. Вполне очевидно, что главным фактором ассимиляции было принятие этими группами тибетского буддизма и отказ от своих автохтонных верований.

Хорские княжества и Цинская империя (1644–1911)

Когда Нгаванг Пунцог устанавливал контакты с Великим V Далай-ламой и Гуши-ханом и строил 13 гэлукпинских монастырей, во Внутренней Азии появился новый грозный игрок в лице маньчжуров, образовавших в 1644 г. на территории минского Ки-

тая империю маньчжурских императоров династии Цин. В период ее правления несколько раз перекраивалась карта этнографического Тибета. Первый раз это произошло в 1727 г. после того, как Цины, изгнав джунгаров из Центрального Тибета, установили над ним номинальный протекторат (*loose protectorate*)⁴¹. Граница между Китаем и Тибетом была установлена на перевале Бум Ла по руслу Янцзы. «Страна на запад от этого пункта отдавалась во власть Далай-ламы под сюзеренитетом Маньчжурского императора, а тибетские вожди княжеств и племен к востоку получали печати полунезависимых владений (*feudatories*) Китая»⁴². Соответственно регионы Чамдо, Драяб и Маркам оказывались на стороне владений Далай-ламы, а Дэргэ, Хорские княжества и Ньяронг — под Цинским контролем.

Лхасское правительство тем не менее продолжало оказывать религиозное влияние на регионы к востоку от Янцзы. Главные монастыри Центрального Тибета назначали настоятелей и собирали налоги в своих дочерних монастырях, все 13 монастырей Хор имели тесные связи с лхасским правительством, а их монахи обучались в великих лхасских монастырях⁴³. В остальном же вовлечение Лхасы в дела Кхама было чисто номинальным. Что касается Цинов, то они контролировали кхамские политии к востоку от границы посредством системы *тусы*, то есть наделяли местных вождей различными титулами, тем самым легитимируя их в непрямой системе имперского управления (по старой схеме «использования варваров для управления варваров» [*«и и чжи и»*])). По мнению Юдру Цзому, как отмечалось выше, контроль Цинов и Центрального Тибета в Кхаме был непрямым и номинальным. Децентрализованные политии Кхама обладали высокой степенью автономии, и политика в регионе определялась местными интересами. «Кхам являлся непримиримой буферной зоной между Центральным Тибетом и Цинским Китаем»⁴⁴. С этим выводом трудно не согласиться. Такая система была по-своему идеальной для местных политий. Балансируя между центрами силы в Центральном Тибете и Китае и сохраняя баланс сил в регионе, их вожди могли управлять своими владениями по собственному усмотрению.

Это особенно верно для Хорского региона. Кажется, что время с середины XVII до середины XIX века было для Хорских княжеств самым спокойным в их истории, когда они могли сполна отдаваться делам своей собственной страны, с одной стороны, и свободно ездить на поклонение в Лхасу и заниматься выгодной торговлей с Китаем, с другой. За это время Хорские княжества несмотря на извечные междоусобицы с соседями и между собой⁴⁵ смогли сформироваться как регион очень самобытной культуры, отличительными признаками которой стали тесное переплетение светской и религиозной власти, воинственное население, развитое сельское хозяйство, материальный достаток, замечательная архитектура, особый диалект⁴⁶ и, главное, исключительное место монастырей в политической, экономической, социальной и военной сферах жизни местного населения.

Относительно спокойное существование Хорских княжеств, как, впрочем, и всего Кхама, было нарушено возвышением на юго-западе страны амбициозного лидера Ньяронга — Гонпо Намгьяла, который в 1860 г. расстроил равновесие сил в Кхаме, завоевав соседние территории, включая Дэргэ и 5 Хорских княжеств⁴⁷. Предводителям Дэргэ и 5 княжеств пришлось обратиться к Цинам и Лхасе с просьбой о помощи. В то время как первые, занятые подавлением тайпинского восстания внутри страны, не имели возможности восстановить прежний порядок, Лхаса воспользовалась этими обстоятельствами и подавила ньяронгцев. Гонпо Намгьял отчаянно сопротивлялся, но был в итоге сожжен с семьей в замке Ньяронга. Лхаса после победы навязала в 1865 г. свой контроль над Ньяронгом и, в меньшей степени, над Дэргэ и 5 княжествами Хор. Так изменилась карта Восточного Тибета во второй раз.

С этого времени изоляция, столь ревностно культивируемая всеми восточно-тибетскими политиями, дала брешь. После поражения Гонпо Намгьяла Хорские княже-

ства были вынуждены терпеть присутствие лхасских чиновников, затем, после казни в Дранго двух своих соплеменников цинским таотаем Цин Шанем в 1883 г.⁴⁸ — китайский военный пост, а вслед за этим — все учащавшиеся визиты иностранцев. Об этом периоде имеются достоверные сведения из первых рук: записки американского дипломата Уильяма Рокхилла, в 1889 г. проникшего в Кхам, находившийся под контролем властей Сычуани, с Джекундо (территории, бывшей в номинальном подчинении Сининского амбана).

Рокхилл оставил уникальный по богатству материала и научной ценности отчет о своем путешествии. В нем, помимо прочей важной информации, впервые появились разносторонние сведения о Хорских княжествах. Так, согласно запискам Рокхилла, сами жители называли свои княжества 5 кланов Хор (*Horse k'a nga* — *Kangsar, Mazur, Berim, Chuwo, Chango*)⁴⁹. Население составляли около 8000 семей, или 35000 душ, среди которых было 8–10 тысяч лам. Самый большой регион *Chango* (Дранго) насчитывал 14000, самый маленький *Berim* — всего 1500. Во главе княжеств стояли их предводители (*Deba*), власть которых передавалась по наследству. Регион являлся вторым после Дэргэ по численности населения и богатству в Восточном Тибете.

В своих записках Рокхилл не один раз отмечает красоту местности, сравнивая ее пейзажи со швейцарскими: «В Рибо начинается сад этой части Тибета — плодородная долина *Rungbatsa*; и деревни так же густо рассыпаны по стране, как в Швейцарии. Вокруг каждой растут прекрасные вязаы и другие деревья, стены и живые изгороди окружают поля, на которых горох, ячмень и пшеница на месяц опережают то, что я видел в Дэргэ»⁵⁰. Отмечает приятный внешний вид обитателей княжеств: «Люди здесь одни из самых привлекательных, что я видел в Тибете; они меньше, чем на севере и в Центральном Тибете, и у них менее тяжелые черты; не редкость орлиные носы, ореховые глаза и курчавые или волнистые волосы. Женщины выглядят особенно хорошо, и естественной милливидности людей немало способствуют яркие наряды и серебряные украшения»⁵¹.

Большой интерес вызывает описание Рокхиллом встречи с жителями Кандзе. Так, путешественники нашли приют в маленьком помещении одного китайца, далее автор пишет: «Не успели мы проглотить свою еду, как оказалось, что улица перед домом была окружена людьми, а также каждая крыша дома, всем не терпелось увидеть только что прибывших троих подозрительных путников. Особенно наглыми и вне себя от ярости были ламы». Толпа ворвалась в их комнату и пыталась силой вытащить и выгнать из города. Если бы не своевременное посредничество китайского лейтенанта Лу Минъяна, заверившего предводителя Кандзе, что Рокхилл — сининский чиновник на пути в Чэнду, последнему вряд ли удалось избежать больших неприятностей⁵².

Лу Минъян, как пишет Рокхилл, был до крайности удивлен тем, что тот смог пересечь страну. Для обеспечения безопасности в дальнейшем передвижении китайский офицер предоставил ему сопровождение из четырех своих солдат. Рокхилл пробыл в Кандзе три беспокойных дня⁵³. За это время он собрал много сведений, в том числе отмечал, что в городе проживало около 80 китайцев, большая часть которых были торговцами, остальные — солдаты находившего там военного поста под командованием лейтенанта. Всего в той части Кхама, что находилась в ведении Сычуаньского губернаторства, было шесть военных постов: три на тракте из Дацзяньлу в Лхасу — в Ньячука, Литане и Батане, и три на тракте из Дацзяньлу в Джекундо — в Тайлинге (Ката), Тау и Кандзе (два последних пункта в Хорских княжествах). Рокхилл отмечал, что ни разу не видел вооруженных солдат, хотя они, по их же словам, получали в Дацзяньлу луки и стрелы, а также у них имелись собственные сабли. Офицеры, служившие на военных постах, не имели никакой власти над местными вождями, в их обязанности входили охрана и администрирование торговли, мониторинг обстановки и сопровождение приезжавших чиновников и военных. Чиновник (*T'ung shih*) из Чэнду приезжал один раз в год для сбора «лошадиного налога» — единственного сбора с каждого семейства китайскому правительст-

ву; один раз в пять лет вожди посылали миссию с «маленькой данью» в Чэнду и один раз в десять лет — с большой данью в Пекин. В военном пункте Кандзе служил один лейтенант, под его командованием находились один клерк, один переводчик и 20 солдат⁵⁴.

Такими застал Рокхилл Хорские княжества в 1889 г. Через 11 лет, в 1900 г. там появились члены российской экспедиции под руководством Петра Козлова⁵⁵. Экспедиция в составе 20 человек проникла в Кхам так же, как и Рокхилл, с севера из Цайдама, пройдя через кочевья голоков и перевалив водораздел Янцзы и Меконга. На запрос Козлова тибетским властям о разрешении пройти в Лхасу оттуда последовал строжайший запрет под страхом смертной казни⁵⁶. Но Козлов все же решил сделать попытку прорваться в Чамдо, которая окончилась вооруженным столкновением между тибетцами и русскими. В результате тибетская сторона потеряла убитыми 23 человека и 17 ранеными, в то время как все россияне остались целы. Козлов писал по поводу инцидента: «...Против нас, маленькой горстки русских людей, в глубине Тибета, неожиданно-негаданно, восстали его обитатели, подстрекаемые ламами многочисленных монастырей, но главным образом Чамдо и его верховным представителем Пагпалой. С большой поспешностью удалось счастливо сплотить свой караван и, заняв позицию, очистить себе дорогу. Скорострелки вернее всякого китайского паспорта обеспечили лучший для нас исход дела. Тибетцы бросились бежать...»⁵⁷.

Зиму экспедиция провела в царстве Лхаток. Не трудно представить, какой ажиотаж вызвало пребывание вооруженной экспедиции в регионе⁵⁸. Видя неприятие местного населения и опасность, связанную с нахождением в столь далеком и враждебном окружении, Козлов решил отступить от своих первоначальных планов и принять решение о возвращении, но другим путем — на этот раз через царство Лин. Нежданное обстоятельство, однако, позволило Козлову сделать еще одно рискованное предприятие — вылазку в Хорские княжества. Этим обстоятельством был приезд к Козлову послов от самого Далай-ламы. Убедившись, что это русские, а не англичане, послы передали Козлову привет от Далай-ламы и принесли извинения за то, что не пустили в Лхасу⁵⁹.

Козлов, немало обрадованный столь неожиданным визитом послов, заручился их помощью для организации поездок в Хорские княжества и Дэргэ. Понимая после многочисленных столкновений с местным населением, что не может быть и речи об участии в вылазке русских, он решил послать в Хор члена экспедиции, бурятского казака Цокто Бадмажапова⁶⁰ и двоих цайдамских монголов-переводчиков Дадая и Чагдура, которых согласились сопровождать один лхасский и один дергэсский чиновники *хондо* из свиты тибетского посольства. Предлогом для поездки стали отправка через китайские власти в Кандзе корреспонденции и пополнение запасов экспедиции для обратного похода на Цайдам. Козлов предполагал, что поход займет не меньше двух недель. Посланный отряд, однако, вернулся на пятый или шестой день, не задержавшись в самом городе даже на одну ночь.

Так, «в последний день истекавшего марта месяца пестрый и нарядный разъезд с Бадмажаповым во главе двинулся в Хор-гамдзэ»⁶¹. На третий день отряд приблизился к Кандзе, и Бадмажапов послал с паспортами лхасского *хондо* предупредить власти о своем приезде и найти квартиру для постоя. Спустя некоторое время Бадмажапов со своими спутниками въехал в город. Их приезд вызвал в городе настоящий бунт. Бадмажапов остановился в доме лхасского чиновника-ламы, однако посредничество лхассцев не могло сдерживать негодования местных жителей. Когда лама вышел из дома, чтобы связаться с китайцами, туда ворвалась возбужденная толпа, вооруженная саблями. Бадмажапов пытался объяснить им с помощью лхасского *хондо*, что он прислан сюда за покупками и имеет при себе паспорта от китайского императора и лхасских властей, на что получил следующий ответ: «Паспорта твои для нас ничего не значат; мы плюем на далай-ламу и знать его не хотим, так как он сам в Лхасу вас не пустил и требовал того же от нас, а между тем теперь посылает *пилинов* (иностранцев. — И.Г.) к нам, да еще в со-

провождении своих людей. Богдохана мы презираем еще больше; он выдает *пилинам* паспорта, а сам пешком удирает от них из столицы в Си-ань-фу. Изменники оба и далай-лама, и богдохан, мы еще раз плюем на них и бросаем им в глаза пепел. Вы же немедленно убирайтесь, если хотите остаться живыми, иначе будете перерублены!»⁶².

Бадмажапов в течение нескольких часов тщетно ожидал ламу, всяческими отговорками пытаясь утихомирить ярость нападавших. Но, как оказалось впоследствии, лхасец не мог протиснуться обратно сквозь толпу, занявшую все ближайшие улицы и крыши домов. В конце концов, не в силах более противостоять напору наступавших и угрозам расправы, Бадмажапов принял решение уходить. Подняв револьвер и угрожая пустить его в ход, он насилу вырвался из толпы. У ворот он увидел своих спутников-монголов Дадая и Чагдура, лхасца, проводников и избитого дэргесского *хондо* с «лицами, почерневшими от ужаса». Отряд вскочил на своих лошадей и направился вон из города, вдогонку летели крики и камни, толпа бежала за ними до черты города, а отряд конных тибетцев следовал до селения Тэвунго, где Бадмажапов остановился на ночлег. «Все, за счастливым исключением Бадмажапова, были побиты; особенно серьезно пострадал дэргэский хондо, который был жестоко избит еще тогда, когда Бадмажапов сидел в фанзе; его несчастного били беспощадно и таскали по земле за длинные волосы; в конце концов отняли саблю и шаль, повязываемую вокруг головы»⁶³.

Вот так окончилось это рискованное предприятие, после которого вопрос об отправке Бадмажапова в Дэргэ отпал сам собой. На обратном пути он смог собрать некоторые сведения о стране, они в целом повторяют сведения Рокхилла, поэтому мы не будем на них останавливаться. Этот эпизод краткого, но драматического посещения Бадмажаповым Кандзе на рубеже прошедших веков дает нам возможность мельком взглянуть на самобытную жизнь далекой окраины тибето-китайского приграничья в 1900 г. и убедиться, что в то время она представляла сильное автономное политическое образование Восточного Тибета.

Однако все усиливавшееся англо-русское вмешательство в тибетские дела, особенно английская вооруженная экспедиция в Центральный Тибет в 1904 г., в результате которой Далай-лама бежал в Монголию, заставило Цинов пересмотреть свою политику в приграничных регионах⁶⁴. Она ознаменовалась учреждением поста имперского резидента в Чамдо, в обязанности которого ставилось приведение региона под прямой контроль цинского правительства. Не сложно догадаться, что попытка китайских властей вмешаться в местные дела привела к самому ожесточенному сопротивлению региона, в котором монастыри стали очагами мятежа. Однако назначение имперским резидентом таотая Чжао Эрфэна в 1905 г. обеспечило победу империи над восставшим регионом. С этого времени вплоть до падения Цинов в 1911 г. Чжао Эрфэн стал ключевой фигурой в регионе. Он огнем и мечом прошелся по тибетским землям, не выбирая средств для усмирения. Его непомерная жестокость в разрушении монастырей до основания и массовых казнях бунтовщиков заслужила ему прозвище мясника Чжао. Один за другим пали Батан, Дэргэ, Чамдо, Драя и Маркам. 12 февраля 1910 г. цинская армия вошла в Центральный Тибет, заняла Лхасу. Далай-лама бежал в Индию. Когда практически весь Восточный Тибет был в руках Чжао Эрфэна, ему оставалось послать военную экспедицию в Кандзе, чтобы Хорские княжества, сопротивлявшиеся два года назад, сдались на этот раз без боя. Так, к августу 1911 г. в Восточном Тибете не осталось ни одного тибетского правителя, карта Восточного Тибета была изменена в третий раз, а в планах Чжао Эрфэна было превратить регион в китайскую провинцию под названием Сикан. Но в феврале 1912 г. пала Цинская империя и вместе с нею ее жестокий наместник, убитый революционерами в том же году. В Восточном Тибете началась новая эра ожесточенной борьбы восточно-тибетских политий за свою независимость.

Итак, наш анализ показал, что начало истории Хорского региона можно отнести к XIII веку — времени принятия чингизидами буддизма традиции Сакьяпа. Оно связано с именем монгольского принца Хор Масанбу, потомки которого стали правящей элитой региона. К XVII веку относится разделение потомков Хор Масанбу на пять колен и возникновение 5 Хорских княжеств. Среди потомков монгольского принца особый вклад в формирование хорской идентичности внес Хор Нгаванг Пунцог, ставший последователем V Далай-ламы и Гуши-хана и построивший 13 монастырей Гэлукпы. Возвышение на востоке маньчжуров и образование империи Цин не оказали какого-нибудь заметного воздействия на жизнь региона, наоборот, в этот период Хорские княжества смогли сформироваться в качестве сильного автономного политического образования Восточного Тибета, управлявшегося своими предводителями в соответствии с внутренними интересами. Такое положение было нарушено в 1863 г. из-за недальновидной политики Гонпо Вангьяла в соседнем Ньяронге, после чего регион переходил под номинальный контроль то Лхасы, то Пекина. С этого же времени начинается последовательное проникновение иностранцев в регион в лице английских и русских исследователей-разведчиков, что побудило Цинскую империю в самом конце своего существования завоевать Восточный Тибет де-факто. Тем не менее, очевидно, что, несмотря на все усилия центральных тибетцев, маньчжуров и иностранных держав подчинить регион своему влиянию, ко времени падения Цинской империи в 1911 г. Восточный Тибет и Хорские княжества, в частности, продолжали оставаться непримиримой территорией «сражающихся царств».

1. *Stein R.A.* Tibetan Civilization. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1972. P. 34.
2. См.: *Karmay S.G.* The Thirty Nine Tribes of Hor: A Historical Perspective (Paper presented at the conference on Myth, Territoriality and Ritual in Tibetan Areas, Vienna, 2–5 Dec. 1999) // *Karmay S.G.* The Arrow and the Spindle: Studies in History, Myths, Rituals and Beliefs in Tibet. Vol. 2. Kathmandu: Mandala Book Point, 2014. P. 181–210.
3. *Китайские и тибетские* в смысле языка, на котором написаны источники, а не в идеологическом или каком-либо другом плане.
4. *Rockhill W.W.* The Land of the Lamas: Notes of a journey through China, Mongolia and Tibet. NY: Century, 1891.
5. *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Труды экспедиции Императорского Русского Географического Общества, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1906.
6. *Teichman E.* Travels of a Consular Officer in North-West China. Cambridge: Cambridge University Press, 1921.
7. Полевые материалы автора (ПМА). Экспедиция в Тибетский автономный округ Ганьцзы, пров. Сычуань, КНР. Летние месяцы 2012–2015 гг.
8. См.: *Samuel J.* Tibet as a Stateless society and some Islamic Parallels // *Journal of Asian Societies.* 1982. Vol. 41(2). P. 215–229.
9. Я использую этот термин вслед за тибетологом Мелвином Голдстейном, см.: *Goldstein M.C.* The Snow Line and the Dragon. China, Tibet and the Dalai Lama. Berkeley (LA): University of California Press, 1997. P. XI.
10. См., например: *Kawaguchi E.* Three Years in Tibet. Delhi: Books Faith India, 1995; *Цыбуков Г.Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета: Избр. тр. Т. 1. Новосибирск, 1981; *Harrer H.* Seven Years in Tibet. NY: Putnam Books, 1996.
11. *Samuel J.* Tibet as a Stateless society... P. 218.
12. *Yudru Tsomu.* The Rise of Gö npo Namgyal in Kham: The Blind Warrior of Nyarong: Studies in Modern Tibetan Culture. Lanham: Lexington Books, 2014. P. 30.
13. Существуют два вида традиционного тибетского обозначения правителей политических образований Кхама: гьялпо (rgyal po) и дэпа (sde ba). Первое на английский язык обычно переводят

- как *king* (царь), соответственно его владения как *kingdom* (царство). Второе обычно переводят как *chief* (предводитель или вождь), соответственно его владения как *state*, на русском языке, по нашему мнению, будет более подходящим передать как княжество.
14. Drango (кит. Zhanggu), Khangsar (Kangsa, Kongsa), Mazur (Mashu), Trehor (Zhuwo), Beri (Baili).
 15. *Teichman E.* Op. cit. P. 75.
 16. *Zhou Xiyang, Jia Guangrong.* Zangchuan fojiao siyuan ziliao xuanbian: [Selected materials on the Tibetan Buddhist Monasteries]. Chengdu: Sichuan sheng minzu shiwu weiyuanhui, 1989. P. 81.
 17. *Rockhill W.W.* Op. cit.; *Козлов П.К.* Указ соч.; *Teichman E.* Op. cit.
 18. *Yudru Tsomu.* Op. cit. P. 5.
 19. См., например: *Shakabpa Ts. W.D.* Tibet. A Political History. Yale University Press, 1967; *Wang Furen.* Meng-Zang minzu guanxi shilüe. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1985; *Tucci G.* The Tombs of Tibetan Kings. Roma, 1950 (Serie Oriental); *Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005.
 20. *Samuel J.* Civilized shamans: Buddhism in Tibetan societies. Washington: Smithsonian Institution Press, 1993. P. 68.
 21. Например, некоторые монастыри Кхама, как, например, Лхаган в уезде Кандин, связывают свое происхождение с событиями следования кортежа принцессы Вэнь Чэн ко двору царя Трисонг Дэвцзэна через территорию Кхама (ПИМА). Одним из самых ранних буддийских монастырей уезда Ганьцзы считается нингмапинский монастырь Като в уезде Байюй, основан в 1132 г. См.: *Ran Guangrong.* Zhongguo Zangchuan fojiao siyuan: [Tibetan Buddhist Monasteries in China]. Beijing: Zhongguo Zangxue chubanshe, 1994. P. 101.
 22. *Yudru Tsomu.* Op. cit. P. 38.
 23. См. *Пелдзор Пунцог.* Chossde chenpo rTau Nyin mtsho dgonpa'i lorgyus dang brag dkar gnyis kyi gnasyig sogs bzhugs so / dPal 'byor phun tshogs: [История монастыря Нинцо-гонпа]. Книга написана монахом монастыря и издана без каких-либо выходных данных. В ней собраны различные предания об образовании Хорских княжеств и монастырей и сведения о Нинцо-гонпа. Автор рада возможности выразить глубокую признательность Радна-ламе, проректору Буддийского университета Даши Чойхорлинг (Иволгинский дацан, Бурятия) за устный перевод книги с тибетского языка. Предание о монгольском принце в различных вариантах известно многим жителям региона (ПИМА).
 24. Menggu houdai zai Zangqu Kangbei Zangqu Huoer yuanlai shi zHEME LAIDE // Ganzi xinwenwang. 01.03.2016. URL: <http://www.ganzixinwen.com/wh/kzrw/rwls/n5716.html>.
 25. Отмечается, что согласно бонскому источнику *Бэньцзяо юаньюань минцизин цзичзай* его также называли Чжадунь и что он построил 20 бонских монастырей по обоим берегам Ялунцзяна.
 26. Тут, по всей видимости, имеется в виду характерное для многих тибетских политий сращение политической и религиозной власти (тиб. *chos-srid zung-'brel*, кит. *zhengjiao heyi*).
 27. Ganzi Zangzu zizhizhou gaikuang. Chengdu: Sichuan minzu chubanshe, 1986. P. 41.
 28. Мы не говорим о периоде правления династии Юань (1271–1368), как обычно пишется в китайских источниках, так как отношения между Хубилай-ханом и Пагба-ламой начались раньше провозглашения Юань.
 29. Полные списки буддийских и бонских монастырей округа Ганьцзы см.: *Zhou Xiyang, Jia Guangrong.* Op. cit.
 30. *Пелдзор Пунцог.* История монастыря Нинцо-гонпа. С. 8.
 31. Например, в поселке Кандзе находились ставки предводителей Кансар и Масур, а в поселке Тау, что к востоку от Трехор, жители подчинялись предводителю Кандзе. Подробнее см.: *Rockhill W.W.* Op. cit. P. 253.
 32. Пелдзор Пунцог сообщает, что Нгаванг Пунцог родился в 1668 г., в 9 лет стал учеником Далай-ламы, и ему было 15 лет ко времени смерти Далай-ламы в 1682 г. См.: *Пелдзор Пунцог.* История монастыря Нинцо-гонпа. С. 9.
 33. *Zhou Xiyang, Jia Guangrong.* Op. cit. P. 169, 185, 205.
 34. The Illusive Play: The Autobiography of the Fifth Dalai Lama / S.G. Karmay; transl. by R. Jansen. Chicago: Serindia publications, 2015. P. 321, 454–455. В китайском интернете также встречается информация, что Нгаванг Пунцог в 7-летнем возрасте был послан в Лхасу, там стал учеником V Далай-ламы, в 1655 г. вернулся в Кхам, построил 13 Хорских монастырей, умер в 1685 г. в возрасте 77 лет. См.: Huoer ji Huoer shisan (si) de youlai // Xinxian shenghuo luxing. 26.03.2014.

- URL: <http://www.51fresh.com/article191.html>. Подтвердить или опровергнуть эту информацию не представляется возможным.
35. См.: *Wang Furen*. Op. cit.; *Shakabpa Ts. W.D.* Op. cit.; 1967, *Karmay S.G.* The Fifth Dalai Lama and his Reunification of Tibet // *Karmay S.G.* The Arrow and the Spindle... Vol. 1. 2009. P. 503–517.
 36. К сожалению, мы не смогли идентифицировать все названия, сравнивая их с китайскими источниками, вследствие наличия больших расхождений в источниках. Напр., следующий перечень: Дацзинь (Даргье), Ганьцзы (Кандзе), Байли (Бери), Дунгу, Чжагун, Санчжу (Самдуп), Кума, Цзюэжи, Линцюэ (Ньенцо), Хуэйюань, Цзешу, Гэнша (Гонсар), Шоулин дан по: *Ran Guangrong* Op. Cit. P. 107. (В скобках мы добавили тибетские названия, идентифицированные со списком Пелджор Пунцога).
 37. Из них автор посещала монастыри Кандзе и Тау, разговоры с монахами и местным населением стали важной частью понимания истории и современного положения региона.
 38. *Menggu houdai zai Zangqu Kangbei Zangqu Huoer yuanlai shi zheme laide* // *Ganzi xinwenwang*. 01.03.2016. URL: <http://www.ganzixinwen.com/wh/kzrw/rwls/n5716.html>.
 39. Козлов пишет, что лхадосцы во время его посещения все еще считали себя монголами-шарайголами. По этой причине они не дружили со своими соседями — Дэргэ, Чамдо и Гонжо (Гончжур — по Козлову), но имели дружеские отношения с населением царства Нанчен, которое считали родственным по происхождению, то есть такими же монголами-шарайголами. См.: *Козлов П.К.* Указ. соч. С. 421.
 40. *Samuel J.* Civilized shamans... P. 85. См. также: *Karmay S.G.* The Thirty Nine Tribes of Hor...
 41. *Goldstein M.C.* Op. cit. P. 12–16.
 42. *Teichman E.* Op. cit. P. 2.
 43. *Yudru Tsomu.* Op. cit. P. 24.
 44. *Ibid.* P. 30.
 45. Собственно, междоусобицы, угон скота у соседей, грабежи караванов были частью обычных социальных практик Восточного Тибета, о чем свидетельствуют многочисленные источники.
 46. Особый диалект Хор, особенно в Тау, отмечался всеми ранними путешественниками. Рокхилл писал: «Язык, на котором здесь говорят, замечательная смесь тибетского и китайского и с трудом понимается жителями Кандзе, не столько с точки зрения местных выражений, сколько из-за особого акцента и интонаций», см.: *Rockhill W.W.* Op. cit. P. 263. Лингвисты говорят о кластере языков, которые называются *Stau*, *Ergong* или *Horpa*, см.: *Jacques G., Lai Yunfan, Antonov A. and Lobsang Nima.* *Stau (Ergong, Horpa)*. URL: https://www.academia.edu/12321947/Sketch_of_Stau. В настоящее время, видимо, из-за сильных диалектальных различий представителям различных этно-локальных групп легче говорить между собой на китайском, поэтому распространение китайского языка происходит намного быстрее, чем в других регионах Кхама.
 47. *Teichman E.* Op. cit. P. 5. См. также: *Yudru Tsomu.* Op. cit.
 48. Рокхилл в своей книге приводит официальный доклад властей Сычуани цинскому императору по поводу этого инцидента, представляющий собой чрезвычайно интересный документ как в историческом, так и этнографическом плане. В нем описывается ссора между предводителями кланов Кансар и Трехор по поводу женитьбы их отпрысков, которая приводит к смертельной вражде и войне между кланами, к которой присоединяется по разные стороны конфликта все население Хорского региона. Конфликт удается уладить только с помощью китайских властей и войск (300 человек), присланных из Сычуани. Все стороны конфликта остаются удовлетворенными, обе девушки благополучно выходят замуж, а зачинщиков, близких монастырю Чжангу (тиб. Дранго), приговаривают к казни и обезглавливают. Комментируя инцидент, Рокхилл отмечает, что, по словам его знакомого китайского лейтенанта, истинной причиной вовлечения китайских властей в конфликт было желание прекратить инспирируемые ламами нападения на китайцев. См.: *Rockhill W.W.* Op. cit. P. 253–255.
 49. Здесь во избежание путаницы написание приводится согласно Рокхиллу.
 50. *Rockhill W.W.* Op. cit. P. 236.
 51. *Ibid.* P. 243. Рокхилл приводит много других интересных этнографических деталей из быта хорцев (одежда, праздники, торговля и т.д.), на которых мы не можем здесь остановиться, чтобы не отклоняться от темы.
 52. *Ibid.* P. 240.
 53. На второй день его пребывания в городе, 12 июля, был большой праздник, на который собрались все люди округа на «скачки, выпивку, борьбу и флирт». С одной стороны, это немного ос-

- лабило ажиотаж вокруг пришельцев, с другой, представило дополнительную опасность оказаться жертвой больших сборищ выпивших людей. На третий день, пишет Рокхилл, к ним стали относиться так же, как к другим китайцам. См.: *Rockhill W.W.* Op. cit.
54. *Ibid.* P. 221–222.
55. Отчет экспедиции по Монголии и Каму составляет 730 страниц, снабжен картами и фотографиями, и представляет подробное описание географии региона и богатейший этнографический материал, собранный усилиями всех членов экспедиции.
56. *Козлов П.К.* Указ. соч. С. 400.
57. Там же. С. 403–404.
58. В отчете экспедиции немало места отводится описанию встреч и общений с местным населением, которое представляет интерес не только с этнографической точки зрения, но и как живое свидетельство имперского отношения отдельных «конкистадоров» Российской империи к «отсталым» народам.
59. *Козлов П.К.* Указ. соч. С. 484. Можно предположить, что получением столь благосклонного послания от Далай-ламы экспедиция была обязана посредству ближайшего советника Далай-ламы — бурята Агвана Доржиева. Как раз той зимой он приехал в Лхасу после посещения России и аудиенции у российского царя, в результате которой была установлена переписка между двумя монархами. Подробнее см.: *Андреев А.И.* От Байкала до Священной Лхасы. СПб; Самара; Прага, 1997.
60. Цокто Бадмажапов (1879–1937) после этой экспедиции стал бессменным участником всех последующих экспедиций Козлова. На самом деле, это ему принадлежит заслуга открытия мертвого города Хара-хото, о чем свидетельствует его письмо к Козлову об обнаружении развалин города, а также официальное сообщение в Российское географическое общество (см.: *Андреев А.И.* Указ. соч. С. 61; *Шифрин М.Е.* «Хара-Хото — мое открытие, мое фактическое завоевание для науки» // Вокруг света. 2013. № 2. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/8050>), однако вся слава открытия досталась только одному знаменитому полковнику, не сообщившему общественности о приоритете Бадмажапова.
61. *Козлов П.К.* Указ. соч. С. 513.
62. Там же. С. 520.
63. Там же. С. 522.
64. О военных кампаниях Цинов в Восточном Тибете в 1905–1911 гг. подробнее см.: *Teichman E.* Op. cit. P. 19–35.